

ВСЕ ЩАСТІЕ ЗДѢСЬ
ОДНА ЛИШЬ МЕЧТА,
ИЛИ
СТРАДАНІЯ
ОРТЕНБЕРГСКОЙ
ФАМИЛИИ.

Сочиненіе Г. Коцебу.

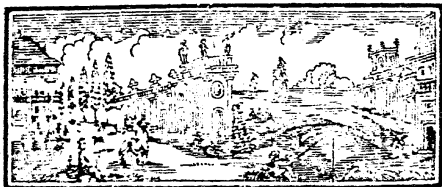
ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Переводъ съ Нѣмецкаго

Съ Указнаго дозволенія.

СМОЛЕНСКЪ.

При Губернскомъ Правленіи
1802 года.

СТРАДАНИЯ
ОРТЕНБЕРГСКОЙ
ФАМИЛИИ.

ГЛАВА XIX.

Такъ конечно! судьба играетъ нами, какъ обезьянами! Съ коварною злостію принуждаетъ она насъ играть унижительною роль, намъ отъ нее назначенную. — Надежда лучшей будущности! естьли и ты тщетна; — о! тогда я удовольствія моей жизни съ охотою промѣняю на убийственный кинжалъ.

Едва только сія дѣвица выговорила слово: *Есхолона Золмхъ*,

какъ изчезъ румянецъ на горящихъ щекахъ Эшенгорстовыхъ. Съ шрепетомъ подался онъ назадъ, забился въ отдаленнѣйшій уголь кареты, прижался туль столь крѣпко, съ такимъ видомъ боязливости, какъ будто бы учинилъ святоханство или брашоубійство. Поблѣднѣвшее его лице сдѣлалось длиннымъ, глаза неподвижны, ротъ ошверстъ, ноги дрожали отъ страха, дабы какъ-нибудь не прикоснуться къ краю ея плащья. Каждый взглядъ казался ему достойнымъ наказанія, каждое слово преступленіемъ. Бѣдный Эшенгорстъ! чѣмъ ты огорчилъ любовь, что она столь коварнымъ образомъ вкралась въ твое ошверстное сердце и заставила тебя сражаться съ укоренившимся дружествомъ?

Въ первыя минушы сего нечаяннаго открытія состояніе его души подошло сну. Ибо раждающаяся страсть есть сладкое сновидѣніе, обманывающее духъ

нашъ пріятными, необыкновенными чувствованіями, и тогдашъ намъ доставляющее въкусеніе оныхъ, коль скоро въ насъ возродится къ тому желаніе. Представьтежъ, что таковое пріятное мечтаніе вдругъ перервано пожарною тревогою; тогда получите почти понятіе о нервовомъ чувствованіи Эшенгорста. Послѣдующее подобно было ужасу путешественника, спранствующаго ночью, когда молнія освѣтила передъ нимъ бездну, на краю кошорой онъ стоялъ. Но едва только онъ могъ въ себѣ сколько нибудь ясно представить сію мысль: *сія дѣвица есть любезная твоего друга*, какъ вдругъ вскричалъ онъ почпалѣону: *стой!* и ничего болѣе не говоря, съ поропливостію выскочилъ изъ карешы, и самъ не понимая сего произвольнаго своего поступка.

„Какой это спранный чело-
вѣкъ!“, говорила сама въ себѣ Ка-

ролина. „Радоваться ли мнѣ о своемъ избавленіи, или трепетать, видя, что я изъ когтей ястребиныхъ попалась въ когти тигровы? — Но нѣтъ! нѣтъ! — естли сей мущина есть злодѣй; то произведенія Творческой руки суть нерѣшимая загадка, и природа есть только безстыдная актриса.„

Можно ли не извинишь Каролину, что она трепетала, что сомнѣвалась? Послупокъ Эшенгорстовъ былъ шель странный, что (безъ помощи тайнаго предчувствія) и самый простосердечный человѣкъ въ страшно-измѣнявшемся лицѣ сего незнакомаго могъ читать кипящее волнованіе какого нибудь адскаго предпріятія. Охотно бы спросила Каролина кучера или камердинера о имени своего избавителя; но близкое присутствіе Эшенгорста связало ея языкъ. Карета ѣхала медленно; онъ медленно также шель подлѣ нея съ

боку ; онъ сражался ; былъ побѣжденъ ; сражался еще , и одержалъ побѣду .

Я снимаю завѣсу съ его души , и вмѣсто себя заставляю говорить самыя его чувствованія :

Любовь. Какъ прелестна , — какъ несказанно прелестна сія дѣвица !

Добродѣтель. Она принадлежишь другому .

Дружество. Кому же ? своему другу ! наилучшему своему другу !

Любовь. Ты спасъ ея честь .

Добродѣтель. Симъ только исполнилъ свою должность .

Дружество. И какой должности исполненіе можешь когда-либо быть награждено лучше сего ? — Изливающаяся признательность своего друга — благодарныя слезы сея красавицы — сіе зрѣлище восторговъ тебя ожидающее . —

Добродѣтель. И что благодарнѣе ? Былъ щастливымъ на

щепъ своего друга , или не претпавствовать его щастію на щепъ своей слабости ?

Любовь. Но развѣ ты не былъ орудіемъ его щастія ? Чьему ходашайшву обязанъ онъ шѣмъ нашеншомъ , кошорый шеперь у шебя въ карманѣ ?

Добродѣтель. Это только любовь можешъ шакъ говорить. Не болѣе ли ты выигрываешъ , нежели сколько шеряешъ ? Любовь ! на собшвенное твое сердце я здѣсь ссылаюсь.

Дружество. Да хотя бы дѣвица сія и проиграла, нѣсколько, ешълибъ шебя вмѣсто его получила — но не можешъ сего быть ; другъ твой по всѣмъ ошношеніямъ человекъ прелюбезный.

Гордость. Ты Миниспръ.

Добродѣтель. Хошя бы и самый Король былъ ! Ты нашелъ вещь драгоцѣнную, знаешъ кому она принадлежитъ , — и можешъ ли быть шоль подлымъ, чшобъ оную уша-

ишь опъ ея владѣльца и удержашъ у себя? Фу! — хошя бы онъ и не былъ твоимъ другомъ. — Фу! хошя бы и соперникомъ твоимъ былъ?

Совѣсть. Ты мужчина! Ты былъ до-селѣ всегда честный человекъ! Не было въ сердцѣ тво-емъ никакого чувствованія, ко-торого бы ты не смѣлъ съ довѣр-емъ къ самому себѣ представить на сужденіе свѣту; ты ни опъ кого не краснѣлъ; — и что ежели теперъ сего не будешь —

Любовь. Какая прекрасная, прелестная дѣвица!

Добродѣтель. Хмъ! не трудно быть честнымъ человекомъ, когда никакая страсть не побуждаетъ быть бездѣльникомъ! Теперь покажи, что ты честный человекъ! и ежели теперъ сего не докажешь, то никогда шаковымъ не бывалъ!

Сей благородный разговоръ съ самимъ собою утвердилъ великость

его сердца. Дружелюбие и честность наложили узы на возродившуюся любовь, не надмѣваясь сею одержанною ими побѣдою. Коляска остановилась. Съ веселымъ лицомъ сѣлъ Эшенгорстъ подлѣ сей любовію дышущей дѣвицы, которая приняла его съ милою улыбкою.

Эшенгорстъ. Вы называетесь *Каролина Золмеръ*?

Каролина. Такъ, милоспивый государь!

Эшенгорстъ. Мое имя *Эшенгорстъ*.

Каролина (запинаясь.). Э. . . Эш. . . Эшенгорстъ! ? —

При каждомъ слогѣ, который она выговаривала, воображеніе ея напоминало ей о тѣхъ щасливыхъ вечерахъ, когда Оршенбергъ живо и съ жаромъ описывалъ ей черты единственнаго, любезнѣйшаго своего друга.

„Эшенгорстъ! милосливый го-
сударь! — Это вы? — Я — я
знаю —

Эшенгорстъ (усмѣхаясь.) Че-
ловѣкъ, котораго зовушь Оршен-
бергомъ; не правда ли? И копо-
рый, по дружбѣ своей ко мнѣ, ино-
гда вамъ сказывалъ мое имя?

Каролина. Боже мой! какія
чудеса! Человѣкъ, котораго столь
часто въ шайнѣ я благословляла;
человѣкъ, котораго столь хотѣ-
лось мнѣ узнать, коего я люби-
ла и почитала, не зная еще его;
сей человѣкъ опредѣленъ былъ судь-
бою для моего избавленія! —

Эшенгорстъ. И онъ чувствуетъ,
сколь завидна его участь. — Бла-
женныя минуны, когда я препо-
ручу васъ въ объятія моего дру-
га! — Боже! что можешь Ты да-
ровавъ мнѣ на томъ свѣтѣ, когда
еще въ здѣшнемъ столько преис-
полняешь мѣру моихъ удоволь-
ствій!

Тяжелый вздохъ. — Обоихъ души вкушали тогда восхитительную сладость изливающихся чувствъ; — однакожъ еще у обоихъ не были они вовсе помрачены нѣкоторыми шусклыми облаками. Изъ груди Каролининой вырвался вздохъ, стремящійся къ предмету ея спрассти. — Сей вздохъ шептала ей шихомько: *Ортенбергъ!* Грудь Эшенгорстова была сжата; онъ подобился робкому юношѣ, въ первый еще разъ единоборствующему противъ упвердившагося уже въ силахъ мужа.

Наконецъ любопытство Каролинино прервало молчаніе: „Восемь мѣсяцовъ уже тому, сказала она съ сшылливостію, какъ я объ немъ ничего не слыхала. Ни одного письма, — ни одной строчки — это право мучительно! — Я не знаю, живъ ли еще онъ.“

Что онъ еще живъ, о семъ была она очень увѣрена; ибо Эшенгорсъ, хотя не прямо, доволь-

но однакожь даль ей знать о семъ. И вопросъ ея собственно былъ только такой: „я не знаю, гдѣ онъ живетъ.“, Дѣвчья спыдливість перемѣнила въ немъ реченіе *гдѣ живетъ*, *живѣ ли*, и сверхъ того вернула шу-да слово *еще*!

Эшенгорстъ нарочно, хотя ее распрощать, отвѣчалъ ей весьма лаконическимъ образомъ: „Не беспокойсь! онъ живъ! —

Нетерпѣливая любовь Каролины. И здоровъ? и щасливъ? и доволенъ?

Эшенгорстъ (съ двоясмысленною усмѣшкою и безъ надлежащаго ударенія.) Конечно онъ таковъ!

Послѣ сего вся внутренность Каролинина пришла въ движеніе. Она покраснѣла противъ своей воли; и не примѣчая двоясмысленности въ отвѣстѣ Эшенгорстовомъ, потупивши лице и перебирая боры у своего передника, сказала: „Такъ видно онъ забылъ свою пріятельницу? —“

Эшенгорстъ. Забыль? неправда; онъ желаетъ только ее перемѣнить.

Каролина (съ видомъ изумленія.) Перемѣнить? — Ваши слова, право, трудно отгадывать.

Эшенгорстъ. Ну чтожь? перемѣнить! Или вы думаете, что онъ будетъ довольствоваться однимъ только вашимъ дружествомъ? (Каролина чувствуетъ облегченіе.)

„Ахъ! запинаясь сказала она: „въ восемь мѣсяцовъ ни спрочки?„

Эшенгорстъ. Молчаніе сіе доказываетъ его великодушіе.

Каролина. Правда, что не любовь.

Эшенгорстъ. Любовь и должность не всегда вмѣстѣ удовольстворены бытъ могутъ.

Каролина (съ насмѣшливымъ видомъ.) Мущины всегда говорятъ о должности, когда хотятъ скрыть погасшую любовь.

Эшенгорстъ (нѣсколько суріозно.) Но не разумѣете ли здѣсь и добраго моего пріятеля?

Каролина (съ жаромъ.) Нѣтъ, конечно нѣтъ! онъ Ортенберга статься сему не можно! онъ опнюдь сего не сдѣлаешь! Только обстоятельства, сомнѣніе наводящія, — заслуживающія мое почтаніе, а не насмѣшки — Можешь бышь разсѣяніе — (съ видомъ вопрошающимъ) или очень большая оплаченность его мѣстопробыванія —

Эшенгорстъ понялъ сіе, но не разсудилъ за благо отвѣчать. Воображеніе его занималось произведеніемъ въ дѣйство прізнанійшей, наипоразительнѣйшей нечаянности. Онъ спросилъ Каролину, знаетъ ли она того злодѣя, изъ рукъ котораго онъ ее освободилъ? „Прощу васъ, присовокупилъ онъ, „удостоить меня своего дружества, сообщите мнѣ ваши неща-